

Использование террора в борьбе с возможной оппозицией имеет свою логику, которая часто уводит тех, кто прибегает к этому средству, далеко за пределы первоначально намеченных задач и создает ситуации, о существовании которых они даже не предполагали.

По свидетельству Таубе и Крузе, в своей любимой резиденции, Александровой слободе, царь постоянно проводил значительную часть дня в пыточном застенке. Узников пытали не для того, чтобы они сознались в совершенных преступлениях (попавшие туда уже заранее являлись виновными), но для того, чтобы они указали своих сообщников. О том, как в пыточном застенке добывали сведения о новых изменниках, мы можем узнать из небольшого фрагмента следственного дела — единственного сохранившегося из множества следственных дел времени правления Ивана IV. В январе 1574 года из крымского плена вернулось несколько холопов князя Ивана Федоровича Мстиславского. Они оказались в застенке, где царь захотел выяснить, кто из его приближенных поддерживает тайные сношения с татарами. Под пыткой царь спрашивал: «Хто ж бояр наших нам изменяют: Василей Умной, князь Борис Тулупов, Мстиславской, князь Федор Трубецкой, князь Иван Шюйский, Пронские, Хованские, Хворостинины, Микита Романов, князь Борис Серебряной». Многие из названных здесь лиц были в то время наиболее влиятельными советниками монарха, а некоторые даже присутствовали при самом допросе. К этому времени царь уже мало кому верил из своего окружения. В прежние годы такого не было: члены опричного «братства» находились вне подозрения, но имена земских бояр и дворян, несомненно, постоянно звучали на допросах. Желание избежать новых пыток заставляло узников давать утвердительные ответы на вопросы, которые задавал царь. Так, холопы Мстиславского, когда их стали «огнем жечи», признали, что их хозяин действительно «посылал» их из Москвы к крымскому хану.

Был и другой способ получить нужные сведения об изменниках. Царь поощрял доносы боярских слуг на своих господ. Благодаря этому в распоряжении царя и его опричного окружения оказывалось все больше сведений об «изменниках». Их безжалостно казнили, но тем

самым только расширился круг подозреваемых: чем больше было казненных, тем больше оказывалось их родственников и друзей, у которых были все основания для враждебного отношения к виновнику казней. А умножение количества изменников говорило о том, что прежние жестокие меры не эффективны и следует предпринять новые, более жестокие. Порочный круг, из которого не было выхода...

В этих условиях осенью 1569 года царь получил сведения о новом, еще более опасном заговоре, направленном против него.

На этот раз в нашем распоряжении имеются уже не сообщения иностранцев, а запись о подлинном следственном деле в Описи архива Посольского приказа 1626 года: «Статейной список из сысканого из изменного дела... на наугороцкого (новгородского. — Б.Ф.) архиепискупа на Пимена и на новгородцких дьяков, и на подъячих, и на гостей, и на владычных приказных, и на детей боярских... о заде Великого Новгорода и Пскова, что архиепископ Пимин хотел с ними Новгород и Псков отдати литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси хотели злым умышлением извести, а на государство посадити князя Владимира Андреевича». Речь шла не о тайном сговоре группы представителей знати, а о масштабном заговоре, в который оказались вовлечены и вся приказная администрация, управлявшая Новгородской землей, и социальные верхи ее населения (гости — богатые купцы, и дети боярские), и сам глава Новгородской епархии — архиепископ Пимен со своим двором. (Епископы на Руси издавна имели свои большие земельные владения и своих военных вассалов, которые управляли их землями.) Запись выглядит противоречиво: если заговорщики собирались перейти под власть Сигизмунда II, то не все ли им было равно, кто в дальнейшем займет царский трон? Возможно, дело следовало понимать в том смысле, что между заговорщиками и Сигизмундом II состоялось соглашение о том, что после перехода Новгорода под литовскую власть король будет способствовать низложению царя Ивана с тем, чтобы в дальнейшем у Новгородской земли был более мирный сосед.

Тайный сговор группы представителей знати, направленный против своего монарха, имеет мало шансов получить отражение в источниках: круг заговорщиков узок, они стараются не оставлять письменных следов своей деятельности. Поэтому так трудно установить факт боярского заговора, имевшего место осенью 1567 года и направленного против царя Ивана. Совсем иное дело — такой масштабный заговор, в который — если верить тому, что изложено в следственном деле, — вовлечены социальные верхи населения огромной Новгородской земли, к тому же заговор в пользу иностранного правителя. Вряд ли заговор мог бы вообще достичь таких масштабов, если бы заговорщикам не была обеспечена внешняя поддержка. В случае если бы такой заговор действительно имел место, он должен был найти отражение в переписке Сигизмунда с ведущими литовскими полити-

ками. Подобных документов сохранилось немало, среди них большое собрание писем короля к Миколаю Радзивиллу Рыжему, виленскому воеводе и одному из первых лиц в Великом княжестве Литовском. Однако сведений о каких-либо контактах с Новгородом в этих источниках нет.

Наши сомнения в существовании новгородского заговора еще более усилятся, если мы примем во внимание ряд особенностей положения Новгородской земли. Она, как и весь северо-запад России, представляла собой край средних и мелких поместий. Лишь причины исключительной важности могли подвинуть рядовых служилых людей — новгородских помещиков — на участие в заговоре. Таких причин, однако, указать невозможно. На русском северо-западе не было родовых вотчин, принадлежавших потомкам Гедимины и Рюрика. Опричные переселения и связанные с ними различные отрицательные явления практически не затрагивали Новгородскую землю. Более того, новгородским и псковским помещикам приносила выгоды внешняя политика царя Ивана. Именно они получали новые поместья в «немецких городах», на завоеванных в Ливонии землях. Новгородскому купечеству также импонировала политика царя: в 60-е годы XVI века оказавшаяся под русской властью Нарва превратилась в крупный центр международной торговли, который посещали суда из многих стран Западной Европы, и новгородские купцы активно участвовали в этой торговле. Что касается новгородской архиепископской кафедры, то русские правители понимали ее роль и значение в жизни не только Новгородской земли, но и всего русского северо-запада и со времени присоединения Новгорода тщательно следили за тем, чтобы ее занимали люди, в лояльности которых они могли быть уверены. К числу таких людей принадлежал и Пимен, поставленный в 1552 году на новгородскую кафедру из старцев Адриановой пустыни — обители на Ладожском озере, тесно связанной с царским двором. Адриан, основатель обители, был крестным отцом первого ребенка Ивана и Анастасии, царевны Анны. Даже Курбский, который был в целом отрицательного мнения о современных ему русских архиереях, считал Пимена человеком «чистаго и жестокаго жительства». Однако готовность новгородского архиепископа сотрудничать с опричной властью не вызывает сомнений. Неоднократные указания в Житии митрополита Филиппа не оставляют сомнений, что Пимен был первым среди тех князей церкви, кто сначала не поддержал митрополита, а потом приложил руку к его осуждению.

Все это дает достаточные основания для того, чтобы считать новгородский заговор вымыслом. Исследователи (в особенности Р. Г. Скрынников) затратили много сил и изобретательности, чтобы выяснить, как и при каких обстоятельствах появился этот вымысел и кто был заинтересован в его распространении, однако до сих пор никакого определенного ответа на эти вопросы мы не имеем.

Вероятно, в иной ситуации царь и его советники не придали бы слуху о подобном заговоре никакого значения. Но в той обстановке психологического напряжения, которая сложилась в условиях постоянной борьбы с «изменой», к этим сообщениям относились со всей серьезностью.

Вероятно, уже в этих слухах называлось имя Владимира Андреевича как будущего царя, так как первой реакцией монарха на полученные сведения стало убийство двоюродного брата.

После участия в Ливонском походе осенью 1567 года Владимир Андреевич жил в своем уделе, не принимая какого-либо участия в государственных делах. Лишь летом 1569 года, когда под Астраханью появились османские войска, царь послал его в Нижний Новгород. В случае если бы появление османов под Астраханью привело к осложнению обстановки в Поволжье, присутствие представителя царского дома могло сыграть важную роль. Очевидно, во время пребывания князя в Нижнем Иван Грозный получил доносы, которые решили судьбу его двоюродного брата. Царь послал Владимиру Андреевичу приказ прибыть вместе с семьей к нему в Слободу. О том, что последовало дальше, сохранился подробный рассказ в «Послании» Таубе и Крузе, который в своих основных моментах подтверждается свидетельствами русских источников (в частности, «Пискаревского летописца»). До Слободы удельный князь так и не доехал. На ямской станции Богане его встретило вооруженное опричное войско. Опричные дворяне Малюта Скуратов и Василий Грязной объявили князю Владимиру, что «царь считает его не братом, но врагом, ибо может доказать, что он покушался не только на его жизнь, но и на правление». Соображения престижа, почти сакральный ореол, окружавший членов царского дома, не давали возможности ни устроить суд, ни тем более казнить двоюродного брата царя. Поэтому по приказу Ивана Владимир Андреевич, его жена и девятилетняя дочь 9 октября 1569 года были отравлены.

Тогда же царь приказал вызвать к себе и мать Владимира Евфросинью (в монашестве — Евдокию), которая после пострижения в 1563 году жила одиноко в Воскресенском монастыре на Горах, лишь изредка навещаясь в лежащий неподалеку Кириллов. Княгиню-монахиню также нельзя было судить и казнить, поэтому царь приказал ее «уморить в судне в ызбе в дыму» (княгиню, очевидно, везли в Слободу по какой-то реке). Вместе с ней, как видно из записи в Синодике, погибли 12 сопровождавших ее «стариц» и несколько слуг. Если, убивая двоюродного брата, царь избавлялся от неугодного человека, который мог бы стать знаменем для недовольных, то смерть старой одинокой женщины, не представлявшей никакой опасности после смерти сына, можно объяснить лишь желанием царя отомстить за неприятности, причиненные ему княгиней в прошлом, в частности в дни его болезни в 1553 году.

В истории русской культуры XVI века княгиня Евфросинья оставила заметный след, создав при своем дворе мастерскую, из которой вышли лучшие памятники русского лицевого шитья того времени: плашаницы с изображением оплакивания Христа, вложенные княгиней в Успенский собор Московского Кремля, Троице-Сергиев и Иосифо-Волоколамский монастыри. На одном из последних произведений мастерской, плашанице, данной вкладом в 1565 году в Кирилло-Белозерский монастырь, Мария Магдалина у гроба Христа, в отличие от других более ранних произведений мастерской, изображена как пожилая женщина, с резкими характерными чертами лица. Возможно, перед нами своеобразный портрет старой княгини. Как видно из записей во вкладных книгах Кириллова монастыря, инокиня Евдокия при посещении обители неоднократно дарила ей шитые покровы. Очевидно, мастерицы княгини последовали за своей госпожой в ссылку и вместе с ней погибли, задушенные дымом.

Царь оставил в живых старших детей удельного князя: сына Василия и дочерей Евфимию и Марию. Василия он через несколько лет пожаловал отцовским уделом, а с девушками, видимо, уже тогда связывал определенные внешнеполитические планы.

Уничтожив двоюродного брата, царь, как ему казалось, предотвратил угрозу близкого государственного переворота. Теперь на повестку дня вставала другая, не менее важная в его представлении задача — помешать заговорщикам оторвать Псков и Новгород от Русского государства.

Собрав опричное войско, по первому зимнему пути царь выступил в поход на Новгород. Иван постарался, чтобы цель похода, известная лишь узкому кругу его ближайших сподвижников, сохранялась в тайне. По свидетельству Шлихтинга, царь принял меры к тому, чтобы была перекрыта дорога, ведущая из Москвы в Новгород. В походе разосланные отряды также задерживали всех людей, идущих в Новгород. Сам маршрут движения войска был окружен тайной. Василий Зюзин, командовавший передовым отрядом опричного войска, «ежедневно поутру получал из рук самого тирана записку с указанием места, где тот должен был переночевать». Штаден также пишет, что «все города, большие дороги, монастыри от Слободы до Лифляндии были заняты опричными заставами, как будто бы из-за чумы, так что один город или монастырь ничего не знал о другом». В результате всех принятых мер «ни в городе Москве, ни в Новгороде, ни в другом месте не знали, где именно находится и что делает князь Московский». Новгородцы узнали о походе, когда отряды опричного войска уже подходили к городу.

Избранный царем способ действий не вызывает удивления. По его сведениям, заговор был весьма масштабным, в нем участвовали все духовные и светские власти Новгорода, а значит, узнав о карательном походе опричного войска, они могли попытаться организо-

вать сопротивление. Поэтому царь принимал все возможные меры, чтобы заставить заговорщиков врасплох. Действия царя были хорошо продуманы, но предпосылка, лежавшая в их основе, была абсурдна.

Двигаясь к Новгороду, опричное войско искореняло измену в городах и селах, лежавших на его пути. В селе Медне под Тверью и в Торжке было перебито несколько сотен семей недавно переселенных туда псковичей. Их считали изменниками, как и всех жителей Пскова. В Твери и Торжке были казнены находившиеся в тюрьмах литовские пленные — царь, вероятно, считал и их участниками заговора.

О том, что происходило в Новгороде, когда к нему подошли опричные войска, мы осведомлены, пожалуй, лучше, чем о многих других событиях царствования Грозного. Подробное описание оставил не только Шлихтинг, но и участвовавшие в походе немцы-опричники Таубе и Крузе, а также Штаден. Сохранились и современные немецкие брошюры, составленные со слов иноземных купцов, ставших свидетелями некоторых из происшедших в это время событий. Эти рассказы можно сопоставить и со свидетельствами русских источников. В списках XVII века сохранилась в нескольких редакциях повесть «О приходе царя и великого князя Иоанна Васильевича в Великий Новъград, еж оприщина и розгром именуется»; записи так называемой Новгородской Второй летописи позволяют судить о положении, сложившемся в городе сразу после отъезда царя; наконец, важные дополнительные сведения содержит уже неоднократно упоминавшийся «Синодик опальных».

Передовые отряды опричного войска подошли к Новгороду 2 января 1570 года и сразу окружили его, «кабы ни един человек из града не убежал». 6 января прибыл сам царь и стал укрепленным лагерем на Городище, там, где жили князья во времена независимости Новгорода. 8 января, в воскресенье, царь направился к обедне в храм Святой Софии. На «Волховском мосту великом» его встречал архиепископ Пимен со всем новгородским духовенством. По обычаю, архиепископ хотел благословить царя, но царь не принял благословения и «повелел» архиепископу идти в храм и служить литургию. После обедни архиепископ пригласил царя в свои палаты «хлеба ясти». Однако, как только начался обед, царь «возопи гласом великим яростию к своим князем и боярам... и тотчас повеле архиепископлю казну и весь двор его и келии пограбити, и бояр его и слуг переимати и за приставы отдати до своего государева указа, а самого владыку, ограбив, повеле за сторожа единого отдати и крепко стрещи» (стеречь). В записках Шлихтинга сохранился рассказ об издевательствах над арестованным архиепископом, одним из главных иерархов русской церкви. Из Новгорода его повезли в Москву на кобыле, посаженным задом наперед, с волынкой в руках, атрибутом скоморохов. Такой способ публичного поругания был избран неслучайно: так поступали византийские императоры с патриархами, замешанными в заговорах

против них. Члены «освященного собора» во главе с митрополитом Кириллом поспешили сообщить царю, «что приговорили они на соборе новгородickому архиепископу Пимину против государевы грамоты за его безчинья священная не действовать». На созванном в Москве церковном соборе Пимен был лишен сана. Он был заточен в Никольский монастырь в Венева, где и умер в сентябре 1571 года.

Из Новгорода была вывезена владычная казна, из собора Святой Софии взяты иконы и церковная утварь, которые должны были украсить храмы в опричной резиденции царя — Александровой слободе. Вместе с опричным дворецким Львом Андреевичем Салтыковым изъятием руководил духовник царя, благовещенский протопоп Евстафий, некогда говоривший «речи неподобныя» о митрополите Филиппе. До сих пор Успенский собор в городе Александрове — преемнике Александровой слободы — украшают медные врата — выдающийся памятник древнерусского прикладного искусства. Они были изготовлены в 1336 году для Софийского собора по заказу новгородского архиепископа Василия Калики.

В этой связи Таубе и Крузе впоследствии с некоторым удивлением писали: царь велел в Слободе «во искупление своих грехов построить две большие каменные церкви и наполнить их знаменитыми иконами, колоколами и другим, так что у всех составилось мнение, и он сам так думал, что ему прощены все грехи Господом Богом». Дворяне — протестанты — не понимали логики действий и размышлений царя. Для них новгородский заговор был актом политической измены, попыткой перехода под власть иного государя. Иначе выглядело дело с точки зрения царя: это был прежде всего акт отступничества от веры, попытка перехода под власть правителя «латинян» и еретиков, у которых от христианства осталось только имя. Изъять святыни из рук людей, осквернивших себя замыслами отделения от «святой земли» и общением с еретиками, и взять их под собственную защиту было с точки зрения царя в высшей степени богоугодным поступком. Царь нашел и иной способ наказания «Дома Святой Софии»: издавна входившие в состав новгородской епархии обширные земли на русском Севере были отписаны от новгородской кафедры и переданы вологодско-пермской епископии. По приказу царя в Вологде строился огромный каменный Софийский собор, который Иван IV явно противопоставлял новгородскому кафедральному храму.

9 января на Городище начался суд над арестованными и другими людьми, заподозренными в измене. «Царь и великий князь сед на судище и повеле приводити из Великаго Новагорода владычных бояр, и служилых детей боярских, и гостей, и всяких городцких и приказных людей, и жены, и дети, и повеле перед собою люте мучити». После пыток царь приказывал «тела их некою составною мудростию огненною поджигати, иже именуется пожар». Затем осужденных привязывали за руки и за ноги к саням, волокли от Городища на «вели-

кий Волховский мост» и бросали в реку. Дело происходило зимой, когда Волхов был покрыт льдом, и его, очевидно, пришлось специально разбивать. Такой выбор способа казни вызывает удивление. Правда, в вечевом Новгороде именно так казнили преступников, но вряд ли Иван IV ставил своей целью возродить новгородские обычаи. Недавно А. Л. Юрганов указал на отразившееся во многих русских фольклорных текстах устойчивое представление о связи ада, преисподней с пропастью, дном рек. Отсюда делается вывод о том, что казни новгородцев имели символический характер: вероотступников прямо посылали в ад. Вместе с изменниками подвергались казни их жены и дети («а младенцев к матерям своим вязаху и повеле метати в реку»). Зловещие слова повести подтверждаются сообщениями «Синодика опальных» о казни новгородцев вместе с женами и детьми.

Гнев царя обрушился на окружение архиепископа Пимена. Были казнены многие из детей боярских, служивших новгородскому владыке, но наиболее видных среди них отправили в Москву, очевидно, для продолжения следствия о заговоре. В Новгородской земле — крае средних и мелких помещиков — главная роль в управлении принадлежала дьякам и подчиненному им приказному аппарату. Во время суда на Городище эта группа новгородского населения подверглась едва ли не поголовному истреблению: вместе с новгородскими дьяками были казнены несколько десятков новгородских подьячих (семейные с семьями) и даже самые низшие лица приказного аппарата — «розсылышники». Так, впервые за годы опричнины объектом массовых репрессий стало чиновничество — та социальная группа, которая в силу особенностей своего положения была заинтересована в существовании сильной центральной власти и являлась одной из ее традиционных опор. Жестокость репрессий говорит о том, что именно в приказных людях царь видел главных организаторов заговора.

Сохранился рассказ о смерти богатого новгородского гостя (в 50-х годах он был новгородским дьяком и надзирал за составлением Четьих миней для молодого царя) Федора Сыркова. Этот рассказ, который иностранцы слышали в Новгороде еще в XVII веке, появился сразу по следам событий (его записал Шлихтинг, покинувший Россию в сентябре 1570 года). Чтобы узнать, где богатый купец прячет свои сокровища, царь приказал привязать его к веревке и окунать в холодную воду Волхова. Когда спустя некоторое время купца подняли и царь спросил, что он видел в воде, Сырков ответил, что он был в аду среди злых духов и видел место, приготовленное там для царя. Так Иван в глазах новгородцев сам стал носителем зла и представителем темных сил.

Тяжелую руку Грозного особенно почувствовало на себе новгородское духовенство. Вина его в глазах царя была наиболее тяжкой. Люди, самым своим саном призванные блюсти чистоту веры и хра-

нить православное царство, вступили в сговор с «латинянами» и еретиками. Однако истребить поголовно священников и монахов Новгорода, как это было сделано с приказными людьми, царь не мог. Для них был придуман другой способ наказания. Отряды опричников еще до въезда царя в Новгород разъехались по всем городским монастырям. Церковная казна в каждом из них была запечатана, собранные монахи «яко до пятисот старцов и больше» приведены в Новгород. С каждого из них царь потребовал 20 рублей «новгородским числом». Так как старцы не могли или отказывались платить, их, как несостоятельных должников, поставили на правеж, «и повелеша бити их приставом из утра и до вечера... до искупа бесщадно». Приходские храмы Новгорода также были все запечатаны, а священники и дьяконы поставлены на правеж.

После окончания суда на Городище и казней на Волховском мосту царь с войском стал объезжать новгородские монастыри. Хранившаяся в них опечатанная казна перешла в руки царя, а прочее имущество уничтожалось так же, как некогда боярские дворы в селах Ивана Петровича Федорова. Царь «в житницах хлеб всякой стоячей в скирдах и на полях не молочной хлеб повеле огнем сожигати и скот их всякой и лошади и коровы повеле посекати». Та же судьба постигла и «усадьбища боярские» тех новгородских помещиков, которых обвинили в участии в заговоре. Для этого отряды опричников были разосланы по всей территории Новгородского края. Конфискация монастырских имуществ не избавила новгородское духовенство от обязанности уплачивать наложенные на него штрафы. Уезжая из Новгорода, царь приказал тех попов и дьяконов, «которые не искупились от правежу», «отсылати за приставы в Олександрову слободу». Еще спустя почти год, 30 декабря, в Новгород прибыл государев посланник «правити на новгородцах от попов, которые на Москве не откупились». За городских священников, которые так и не сумели найти необходимых денег, должен был платить новгородский посад. Что касается монастырей, то в двадцати семи из них после отъезда царя остались приставы, которые продолжали выбивать из старцев деньги. Надзирал за приставами, побуждая их к действию, опричник Константин Поливанов — тот самый человек, который в 1564 году привез в Москву из Слободы грамоты Ивана IV о его отказе от царства. Все это продолжалось в течение многих месяцев. Не выдержав стояния на правеже, погибли записанные в «Синодике опальных» игумен Антониева монастыря Геласий, старец Нередицкого монастыря Пимен и многие другие, имена которых не сохранились. 13 октября 1570 года в Москву повезли выбитые из монахов деньги — 13 тысяч рублей, но лишь 5 января 1571 года «старцев государь велел сняти с правежа».

Все это до поры до времени не затрагивало жизнь новгородских горожан. По свидетельству Штадена, царь «купцам... приказал торго-

вать и от его людей — опричников брать (награбленное? — *Б.Ф.*) по доброй уплате». Но затем дело дошло и до них. Царь приказал «в лавках всякой товар грабити и торговые анбары и лавки повеле рассекати до основания». По свидетельству Таубе и Крузе, такие «грубые» товары, как воск, лен, сало, меха, сжигались; остальное, как свидетельствует уже Штаден, свозилось в один из монастырей под Новгородом. Часть этого имущества (в частности шелковые и бархатные ткани) была роздана опричникам, а золото и серебро поступило в государеву казну. Царь не ограничился конфискацией и уничтожением того имущества, которое находилось в Новгороде. Многие новгородские купцы пребывали в то время с товарами в Нарве, где вели торговлю с купцами из стран Западной Европы. Поэтому царь послал и в Нарву отряд опричников. То, что там происходило, подробно описано в сравнительно недавно найденной немецкой брошюре, составленной, по-видимому, со слов очевидцев событий — немецких купцов. Дома, в которых находились новгородские купцы, были ограблены. Запасы их товаров частично сожжены, частично утоплены в реке Нарове. На купцов был наложен огромный штраф в 8 тысяч рублей; они были поставлены на правеж, и некоторые погибли от побоев.

Уничтожение товаров и разрушение торговых помещений еще не было концом новгородского разгрома. Дома новгородцев царь также приказал «ломати, а окна и ворота... без милости высекати». Последние слова «Повести», звучащие несколько странно, подтверждаются свидетельством Штадена: «было иссечено все красивое: ворота, лестницы, окна». Вероятно, и в этом случае имела место какая-то символическая процедура, смысл которой пока ускользает от нас. Во время этих карательных действий погибли и многие посадские люди, которых опричники убивали «без пощадения и без останка». Лишь 13 февраля, почти через полтора месяца после появления опричных отрядов под Новгородом, царь вызвал к себе посадских людей — «из всякой улицы по человеку» и объявил о прекращении казней, а через несколько дней с опричным войском покинул город, направившись во Псков.

Но испытания для запуганных и разоренных новгородцев на этом не кончились. Как отмечено в псковском летописце, царь еще «повеле правити посоху под наряд (то есть снаряжать подводы для перевозки пушек. — *Б.Ф.*) и мосты мостити в Ливонскую землю». Обнищавшие новгородцы не смогли, как делали ранее, нанять на свои деньги возчиков «и в посоху поидоша сами... и тамо зле скончашася нужно от глада и мраза и от мостов и от наряду». Так и не оправившись от последствий разорения, «мнози людие поидоша в нишем образе, скитаяся по чюжим странам». Писцовые описания начала 80-х годов рисуют картину страшного запустения Новгорода — ранее одного из наиболее крупных и богатых русских городов.

Между исследователями идут споры о том, в какой мере оприч-

ный разгром следует считать причиной такого упадка города, какая часть населения Новгорода погибла в этом разгроме. Помимо перечней казненных с указанием имен, в «Синодике опальных» помещена краткая запись, страшная в своей лаконичности: «По Малютине скаске новгородцев отдала тысящу четыреста девяносто человек». Исследователи спорят, говорит ли эта запись об общем числе казненных в Новгороде или 1490 человек убил лишь один из отрядов опричников во главе с Малютой Скуратовым. Однако и цифра в 1490 человек представляется очень значительной для средневекового города, население которого не превышало 15—20 тысяч человек. Возможно, от «морового поветрия» — эпидемии чумы, захватившей Новгород в следующем, 1571 году, людей погибло больше, чем от рук опричников, но именно опричный погром способствовал тому, что запуганные, потерявшие свои запасы и живущие в поврежденных постройках люди стали легкими жертвами «поветрия».

Поведение и самого царя, и опричников в Новгороде показывает, что царь и его советники были убеждены в существовании масштабного заговора, в котором участвовали все слои населения Новгорода. Чтобы подавить этот особенно опасный заговор и предотвратить возникновение новых, царь прибег к мерам еще более жестоким и угрожающим, чем те, которые использовались при расследовании боярского заговора 1567 года. Вместе с тем во время Новгородского погрома ярко проявилось стремление захватить и «выбить» из населения города как можно больше денег и товаров. Все это было не случайно.

По мере того как страна все более втягивалась в долголетнюю, не имевшую конца войну, росли государственные налоги. По расчетам Г. В. Абрамовича, сделанным на основе изучения комплекса новгородских писцовых книг середины — второй половины XVI века, в 70-е годы XVI века реальная тяжесть податей в 3,2 раза превышала уровень 50-х годов. Параллельно с ростом налогов стали возрастать трудности по их сбору; не спасала и жестокость государевых посланцев, безжалостно ставивших неплательщиков на правее. Будучи не в состоянии уплачивать все возрастающие налоги одни крестьяне бросали свои хозяйства, «бежали безвестно от голоду», другие резко сокращали размеры обрабатываемых земель (налог взимался в зависимости от размера обрабатываемой земли) и тайно пахали запустевшие земли. Трудности усугубили эпидемии чумы сначала 1566—1567, а затем 1570—1571 годов, значительно сократившие количество налогоплательщиков. В таких условиях царь использовал расправу над заговорщиками, чтобы пополнить свою опустевшую казну и наградить своих верных слуг — опричников.

Несомненно, царь и его советники уже в дни казней и конфискации должны были задаваться вопросом, как укрепить царскую власть в Новгороде, чтобы не допустить повторения подобных событий. Вскоре после отъезда царя, 13 марта 1570 года, на Торговой стороне

Новгорода началась очистка места для строительства «государева двора». «Государев двор» должен был стать своего рода укрепленной цитаделью, откуда власть могла бы следить за положением в городе. За этим важным шагом последовали другие. В конце февраля 1571 года в Новгород прибыли царские посланцы, объявившие, что царь берет в опричнину Торговую сторону Новгорода и две пятины — Бежецкую и Обонежскую. Часть местных дворян из Бежецкой пятины была выслана, а их поместья, наряду с поместьями казенных изменников, стали раздаваться опричникам. Осенью 1571 года царь нашел нужным даже оказать свое расположение городу, очищенному его усилиями от «измены». 30 сентября 1571 года по его приказу в Слободу мастер Иван Афанасьев слил колокол «в Великий Новъград» — очевидно, взамен большого 500-пудового «Пименовского» колокола, который во время разгрома был снят с колокольни у Святой Софии и увезен в Слободу.

Поход Ивана IV на запад окончился во Пскове. Через неделю после отъезда из Новгорода царь со своим войском подошел к этому городу. Так как планы заговорщиков, по представлениям царя, затрагивали не только Новгород, но и Псков, он намеревался и здесь покончить с «изменой». В данном случае мы не знаем, какие группы населения Пскова царь подозревал в измене. Правда, в черновиках описи архива Посольского приказа 1626 года упоминается еще сохранявшийся в то время «извет про пскович, всяких чинов людей, что они ссылались с литовским королем с Жигимонтом», но в подробной записи о составленном в Москве следственном деле псковичи не упоминаются.

О пребывании царя во Пскове в записках иностранцев сохранились лишь краткие упоминания. Единственный более или менее подробный рассказ читается в Псковской Первой летописи. По словам летописца, когда царь подошел ко Пскову, он услышал колокола, звонящие к заутрене, затем увидел псковичей, стоящих на улицах перед домами с хлебом и солью, и встречающее его духовенство во главе с игуменом Псково-Печерского монастыря Корнилием, и «умилися душою и прииде в чюство и повеле всем воем меча притупити о камень». Однако при обращении к «Синодику опальных» возникают сомнения в правдивости обрисованной летописцем картины. Здесь среди казенных встречаем имя печерского игумена Корнилия, встречавшего Ивана IV при въезде во Псков. Вместе с ним был казнен и некогда переписывавшийся с Курбским печерский старец Вассиан Муромцев. Таким образом, если даже въезд царя в город прошел мирно, то вскоре после его прибытия казни начались и здесь. То, что в итоге Псков не постигла судьба Новгорода, современники единодушно приписывали вмешательству псковского юродивого Николы.

Во всяком средневековом обществе (русское не составляло исключения) наибольшим уважением населения пользовались мона-

хи — люди, порвавшие связи с миром ради служения Богу. В сознании русского средневекового общества юродивые стояли еще выше монахов. Монах, порывая связи со светским миром, становился все же членом корпорации, обеспечивавшей ему строгий, но организованный распорядок жизни и помощь братьев в борьбе с возможными трудностями. Юродивый же порывал ради служения Богу со всеми привычными связями, со всеми формами организации. Его жизнь была крайне суровой: не имея крыши над головой, он даже зимой обитал на улицах; от мороза его защищали лишь разорванные лохмотья, а единственным украшением были железные вериги. Если монах даже самого строгого образа жизни, ушедший от собратьев в затвор, мог искать Бога в безмолвии, то юродивый служил Богу в гуще мира; его поведение, резкое и вызывающее, нарушающее общественные нормы, навлекало на него избиения и поругания. Служа Богу, такой человек сознательно обращал свою жизнь в мучения.

Русские люди, убежденные в избранничестве юродивых, приписывали им сверхъестественные возможности и пророческий дар. Не желающий в этом мире ничего, кроме мучений, не зависящий ни от кого, юродивый мог сказать и сделать то, на что не решился бы никто другой. Английский посол Джильс Флетчер, посетивший Россию в 1590 году, с удивлением записывал о московских юродивых: «Дозволяют им говорить свободно все, что хотят, без всякого ограничения, хотя бы даже о самом Боге». Флетчер записал и рассказ о московском юродивом Василии Блаженном, который «решался упрекать покойного царя (то есть Ивана IV. — Б.Ф.) в его жестокости и во всех утеснениях, каким он подвергал народ». В сохранившихся житиях Василия Блаженного об этом ничего не говорится, но столкновение царя и псковского юродивого Николы отразилось во многих источниках.

Это столкновение, по-видимому, произвело столь сильное впечатление, что о нем упоминают многие иностранцы, посещавшие Россию во второй половине XVI века, — Таубе и Крузе, Штаден, агент Московской компании Джером Горсей, появившийся в России после 1570 года, и уже упоминавшийся выше Флетчер. Рассказывает о нем и Псковская летопись. Из всех рассказов наиболее яркий принадлежит Флетчеру. Как записал английский посол, в ответ на присланные от царя дары юродивый послал ему кусок мяса. Когда царь удивился, почему святой муж посылает ему мясо в пост, Никола сказал: «Да разве Ивашка думает, что съест постом кусок мяса какого-нибудь животного грешно, а нет греха есть столько людского мяса, сколько он уже съел?»

Однако авторы, писавшие ранее Флетчера, ни о чем подобном не говорят, ограничиваясь лишь сообщением о том, что юродивый угрожал царю Божьим гневом, если тот не прекратит казни. Более подробен и сложен рассказ Псковской летописи. Здесь рассказывается о том, что юродивый «ужасными словесы» требовал от царя «еже пре-

стати от велия кровопролития и не дерзнути еже грабити святяя Божия церкви». Однако царь, «ни во что же вменив» его слова, приказал снимать колокол с главного псковского храма — Троицкого собора. В это время «паде конь его лутчий по пророчеству святого», и испуганный царь бежал из города. Лишь благодаря недавней находке немецкой брошюры 1572 года удалось понять смысл этого пророчества. Принимая царя, юродивый будто бы сказал: «Хватит мучить людей, уезжай в Москву, иначе лошадь, на которой ты приехал, не повезет тебя обратно».

Текст немецкой брошюры может служить доказательством того, что отраженный в летописном своде XVII века рассказ имеет действительно раннее происхождение. Вместе с тем в брошюре (как и в других свидетельствах) говорится о выступлении юродивого против казней, но вовсе не о защите им церковного имущества. Этот мотив, очевидно, был привнесен самим летописцем, принадлежавшим к среде псковского духовенства. Вставки он делал, по-видимому, в уже имевшийся рассказ, отсюда глубокие противоречия в его повествовании, которые бросаются в глаза при обращении к заключительной части его рассказа. Бежав из города, царь «стоял на посаде немного и отъиде к Москве», но перед этим «повеле грабити имения граждан», «а церковную казну по обителем и по церквам, иконы и кресты, и сосуды, и книги, и колоколы поима с собою». Получается, что и после исполнения пророчества святого испуганный царь тем не менее наложил руку на имущество церкви. Как представляется, все встанет на свои места, если принять вслед за большинством свидетельств, что юродивый требовал прекращения казней, и когда его прорицание исполнилось, царь отступил от своих первоначальных намерений. Почему же слова юродивого произвели на царя такое впечатление, что он отказался от намерения «сыскивать измену» во Пскове? Почему юродивый добился успеха там, где потерпел поражение митрополит Филипп? Очевидно, подобно всему русскому обществу того времени, царь верил, что устами юродивого может говорить Бог, и, когда эта вера была подкреплена знамением, он подчинился Божьей воле. Однако можно полагать, что от своих подозрений в отношении Пскова царь не отказался. Об этом говорит вывоз из псковских храмов всего церковного убранства. Была пополнена и царская казна за счет имущества церкви и псковских горожан. Действия царя во Пскове еще раз подтверждают, что государство испытывало серьезные финансовые трудности и пополнение государственной казны было одной из главных задач похода опричного войска на северо-запад.

На обратном пути, в Старице, бывшей резиденции недавно убитого Владимира Андреевича, царь устроил смотр возвращавшимся из похода опричникам. Отсюда он направился в свою опричную столицу — Александрову слободу. К тому времени туда, вероятно, уже до-

ставили арестованных в Новгороде приказных людей и приближенных архиепископа Пимена. Здесь, в опричных застенках, царь желал узнать все о связях новгородских заговорщиков.